

УДК 930 (476):930.1(73); 141.2(73)

Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н. И. Ермоловича)

В. В. ЦАЦАРИН

Американский философ Хейден Уайт предложил свою теорию философии истории, которая получила название «лингвистический поворот в истории». Сам Уайт называет свою концепцию поэтологической философией истории [1, с. 22]. Данная концепция была подробно проанализирована нами ранее [2, с. 62–69]. В данной работе попробуем проанализировать современную белорусскую историографию с точки зрения философско-исторических подходов поэтологической модели. Для примера возьмём известного белорусского историка Н. И. Ермоловича. Необходимо отметить, что данное исследование не затрагивает чисто исторических вопросов правомерности выводов Ермоловича (затронутые им вопросы являются спорными в белорусской исторической науке), оставляя их решение специалистам. Рассматривается лишь конкретная концепция конкретного историка, проводится апробация на белорусском материале философско-исторического подхода Х. Уайта.

Ермолович исследовал историю Беларуси периода от древнерусских княжеств до окончания существования Речи Посполитой. При этом все его опубликованные монографии являются своеобразным дополнением друг друга, некоторые места дублируются, но в каждой новой книге есть и новый, ранее не встречавшийся материал. Концептуально книги Ермоловича представляют собой некоторое единство – взгляды его на историю Беларуси в разных изданиях не меняются.

Концепцию истории Беларуси Ермоловича можно отнести по типу построения сюжета к комедии с элементами трагедии по классификации Х. Уайта. Уайт отмечает, что при построении сюжета по типу комедии происходит примирение человека с другими людьми, с их миром и обществом. В итоге общественные условия предстают как более чистые, гармонизируются друг с другом. Примирение происходит и при построении сюжета по типу трагедии, но оно более мрачное. Это примирение людей с условиями мира, вечными и неизменными. [1, с. 30]. Такого рода примирение происходит и у Ермоловича. Причём это видно как из общего хода его повествования, так и из описания и анализа им конкретных исторических событий и деятелей.

Главным героем и деятелем истории у Ермоловича выступает Беларусь, её народ, но не в марксистском его понимании, а народ как население территории безотносительно словесной принадлежности. По Ермоловичу, с самого начала возникновения государственности на территории Беларуси в лице Полоцкого княжества население этой территории стремилось к оформлению своей независимости от кого бы то ни было. Именно достижение независимости от Киева определяло всю политику полоцких князей на всём промежутке истории, пока Киев представлял собой реальную политическую силу. С этим связаны многочисленные кровопролитные войны, которые вели полоцкие князья не только с киевскими, но и часто с коалицией древнерусских князей, подчинявшихся Киеву, а также нежелание полочан (населения Полоцкого княжества) подчиняться князьям иных, кроме полоцкой династии, которую Ермолович ведёт от Изяслава, внука Рогволода, сына Рогнеды и великого киевского князя Владимира. Войны Полоцка с Киевом и коалициями древнерусских князей шли с переменным успехом. Нередко они завершались военным поражением Полоцка (элементы трагедии), но, в итоге, сами полоцкие князья, или всё население Полоцкого княжества, добивались своих целей и проводили независимую от Киева политику (элементы комедии). С переходом Полоцкого княжества в период феодальной раздробленности и утраты Полоцком сво-

его господствующего положения в княжестве ситуация кардинально не изменилась. На смену Полоцку приходит Минск (при княжении Глеба).

Согласно Ермоловичу, такое положение вещей очень скоро привело к осмыслению населением своего родства и тяготению к сохранению единства своего государства, укреплению и расширению его. А это ещё больше объединяло население Полоцкой земли. Даже период феодальной раздробленности особо не поколебал такое положение вещей. Борьба и междоусобные войны между «полоцкими» князьями не мешали им осознавать своё единство и в случае чрезвычайных обстоятельств выступить всем вместе.

Таким образом, начало осознания белорусского единства Ермолович относит ко времени и территории Полоцкого княжества, откуда это осознание распространялось и на иные земли территории Беларуси. Связывает он это с тем, что Полоцкое княжество было наиболее развитым в экономическом и политическом отношении среди других земель Руси.

Что касается возникновения Великого княжества Литовского, то Ермолович даёт этому государству свою оценку и характеристику, во многом отличную от иных. Он прямо заявляет о белорусском характере Великого княжества Литовского и особенно нетерпимо, даже воинственно, относится к традиционному взгляду на Великое княжество Литовское как на результат завоевания балтскими феодалами восточнославянских земель. Ермолович утверждает, что возникновение Великого княжества Литовского произошло благодаря усилению и возвышению славянского города Новгорода. Летописную Литву он отождествляет с современной лишь частично, а основную её территорию располагает в современной Беларуси. Также Ермолович доказывает, что основатель Великого княжества Литовского Миндовг не захватывал Новгородок, а был приглашён новгородцами для того, чтобы с его помощью расширить свою территорию за счёт завоевания Литвы.

Процесс становления Великого княжества Литовского Ермолович описывает как сложный и во многом трагический. Больше, чем Миндовга, он ценит его сына Шварна, который в военной, но больше политической борьбе с крестоносцами и особенно, с Галицко-Волынским княжеством сумел достичь своей цели – сохранил существование Великого княжества Литовского. В дальнейшей истории Великого княжества Литовского Ермолович отмечает трагические моменты, но, в целом, эта история видится ему как распространение белорусского влияния не только на территорию современной Беларуси, но и на некоторые сопредельные земли. Таким образом, Великое княжество Литовское, возникнув и распространившись на территории Беларуси, восприняло полоцкую идею единства населения данной территории и даже распространило её на те земли, которые в Полоцкое княжество не входили. Само же Великое княжество Литовское, особенно в период нахождения столицы в Новгороде являлось полностью белорусским государством и проводило традиционную для Полоцка политику. Перенесение столицы в Вильно Ермолович, с одной стороны, считает попыткой усиления Жмуди, так как Вильно находилось намного ближе к Жмуди, чем Новгородок, но, с другой, – продолжением влияния Полоцка и его политики, которая ещё долгое время продолжала оставаться господствующей в Великом княжестве Литовском.

Что касается периода нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, то, в целом, Ермолович оценивает его более трагически, чем предыдущие. Этот период он характеризует как время постепенной утраты Беларусью своего господствующего статуса в государстве. Это связано и с усилением роли Жемойтии (Жмуди), но особенно с ополячиванием белорусской политической элиты. Постепенно в новом государстве политический центр, который первоначально находился как в Кракове, Варшаве, так и в Вильно, переходит на территорию Королевства Польша, а политическая элита Великого княжества Литовского всё больше отходит от интересов белорусских территорий. Большую роль здесь Ермолович придаёт постепенному процессу окатоличивания и ополячивания белорусской знати, а также политике Русского государства, рассматривавшего себя как правопреемника Киевской Руси и претендовавшего на белорусские и украинские земли. В этот период, по Ермоловичу, появляются исторические мифы о незаконном отпадении этих территорий от Руси из-за коварства русского посла Гедимины (распространялся из Москвы) и о завоевании находившихся без управления после татаро-монгольского нашествия русских земель литовскими князьями

(распространялся из Жемойтии). Тем не менее, и период Речи Посполитой Ермолович не рассматривает только как трагический в истории Беларуси. Несмотря ни на что, народ Беларуси остаётся самим собой и в очень неблагоприятных условиях сохраняет не только своё самосознание, но и идею независимости данной территории, которая в разных ипостасях проявляла себя на протяжении всей последующей истории и вылилась, в итоге, в независимую Республику Беларусь.

Таким образом, рассматривая историю Беларуси от возникновения независимого Полоцкого княжества через существование Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в целом, Ермолович придерживается построения сюжета по типу комедии с элементами трагедии по классификации Уайта.

Рассмотрим теперь интерпретацию Ермоловичем некоторых конкретных исторических событий.

Так, оценивая политическую деятельность полоцкого князя Всеслава Брючиславича (Чародея), Ермолович отмечает, что “эпоха Усяслава, бясспрэчна, з’яўляецца адным з самых яркіх і змястоўных перыядаў нашай гісторыі. Калі бліскучыя перамогі, атрыманыя Полаччынай у гэты час, раскрылі яе вялікія сілы і магчымасці, то трагічныя паражэнні яшчэ больш загартоўвалі яе дух для далейшых, не менш цяжкіх, гістарычных выпрабаванняў. Жыццё Усяслава, поўнае крывавай барацьбы і рознакавай кіпучай грамадскай дзейнасці, стала жывой легендай і святым паданнем, што так патрэбна народу як натхняльная сіла ў яго змаганні за сваё жыццё” [3, с. 150]. То есть главным итогом деятельности Всеслава для Ермоловича является усиление духа Полоцкого княжества в результате проводимых Всеславом военных действий, которые, в целом, поддерживались политической элитой Полоцка. Этому содействовали как победы Всеслава, так и поражения. Самым крупным поражением Всеслава Ермолович называет битву на Немиге под Минском, когда войска Всеслава понесли разгромное поражение от коалиции южнорусских князей во главе с великим киевским князем, а сам Всеслав был вынужден бежать с небольшой частью своих войск. Немигскую битву Ермолович характеризует как одну из самых кровавых, которая “глыбока ўразіла не толькі сваіх суайчыннікаў. Рэха яе праз 120 гадоў адбілася ў “Слове аб палку Ігаравым” вобразам жудаснай крывавай барацьбы” [3, с. 120]. Но одновременно эта битва, согласно Ермоловичу, “належыць да ліку таго, чым мы ганарымся ў нашай далёкай мінуўшчыне, поўнай няспынай барацьбы з нашым першым па часе супернікам – Кіеўскай імперыяй. Бітва на Нямізе была адной з трагічных вех крывавай барацьбы Полаччыны за сваё права на гістарычнае жыццё” [3, с. 120 – 121]. Таким образом, трагизм поражения в битве на Немиге для Ермоловича важен не сам по себе, но в том аспекте, что это поражение не привело к необратимым последствиям для Полоцка, а, наоборот, в каком-то смысле привело к усилению антикиевских настроений и укреплению желания добиться независимости Полоцкого княжества от Киевского. В качестве доказательства этого Ермолович приводит факт, что ни после пленения Всеслава, ни позже «полоцкае веча не прымала князеў чужых дынастый» [4, с. 53 – 54].

В XII в. Ермолович примерно так же характеризует деятельность минского князя Глеба, который пытался увеличить территорию своего княжества за счёт захвата южных территорий, но также потерпел поражение от коалиции южнорусских князей [3, с. 172].

Однако некоторые события Ермолович вынужден характеризовать в стиле классической трагедии, например, утрату Полоцким княжеством своих прибалтийских вассальных княжеств (Герцике и Куkenойс) в борьбе с крестоносцами [3, с. 277].

Для Ермоловича свойственна общая оценка Великого княжества Литовского как одного из самых могущественных государств Европы: “Калі папярэдні Новагародскі перыяд з’яўляўся часам станаўлення і ўмацавання Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ), то наступны – Віленскі, які таксама быў нядоўгім, бо працягваўся менш стагоддзя (з 1316 да 1385 г.), быў часам бурнага тэрытарыяльнага росту гэтай беларускай дзяржавы, што і вывела яе ў лік найбуйнейшых тагачасных еўрапейскіх краін” [5, с. 3]. То есть, развитие Великого княжества Литовского Ермолович оценивает как абсолютно положительный фактор истории Беларуси, полностью соответствовавший её интересам. Кроме того, перенесение столицы из Новогрудка в Вильно, согласно теории Ермоловича, не выпадает из общей пробелорусской политики Великого княже-

ства Литовского, так как оно “было вынікам далейшай крывіцка-дрыгавіцкай каланізацыі ў глыб балцка-літоўскіх земляў. Яно сведчыла таксама, што на першае месца ў гэтай дзяржаве выходзіла Полаччына. А гэта выклікала змену новагародскай дынастыі на полацкую. У святле прыведзеных фактаў нельга пагадзіцца са сцверджаннем пра “паступовае пранікненне” і “наступленне Літвы на Русь”. Фактычна было паступовае адступленне Літвы пад націскам славянскай каланізацыі. Прычым утварэнне Вялікага княства Літоўскага не толькі не спыніла, а, наадварот, яшчэ больш паскорыла асіміляцыю балцка-літоўскага насельніцтва... І ў гэтым нічога дзіўнага няма, бо ў новаўтворанай дзяржаве беларуская культура была пануючай, а беларуская мова – дзяржаўнай... Усё гэта гаворыць за тое, што беларускі народ у складзе Вялікага княства Літоўскага прадаўжаў тварыць сваю гісторыю, развіваў культуру, а не рабіў толькі ўклад у чужую гісторыю” [6, с. 48–49]. В пользу беларускага характара Вялікага княства Литовского Ермолович приводит и тот факт, что вхождение современной территории Беларуси в состав этого государства происходило мирными путями, так что сейчас даже трудно сказать, когда именно какая часть современной Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского. “Калі аб’яднанне беларускіх земляў адбывалася мірна, то ўваходжанне ў склад дзяржавы балцка-літоўскіх земляў па-ранейшаму праходзіла шляхам іх гвалтоўнага далучэння. Як у свой час Міндоўг выгнаў літоўскіх князёў, калі ён “зане Литву”, як Войшалк, які пагалоўна знішчаў сваіх ворагаў пры заваяванні Літвы, Дзяволтвы і Нальшчанаў, як Трайдзень распраўляўся з нальшчанскімі феодаламі, як Віцень вёў барацьбу з жамойцкай знаццю, якая не прызнала яго ўлады, схіляючыся да саюзу з Ордэнам, так і Гедзімін фактычна пачаў сваю дзейнасць з барацьбы з тымі ж самымі жамойтамі, што па-ранейшаму супраціўляліся вялікакняскай уладзе і знаходзілі падтрымку ў крывічоў” [4, с. 140–141]. “Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці, іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходне-славянскім абшарам, дало ім значныя перавагі. Найперш гэта забяспечыла ім дамінуючае значэнне ў Вялікім княстве Літоўскім. Менавіта беларускія землі вызначалі яго ўнутраную і знешнюю палітыку” [5, с. 14].

Оценивая отдельных великих литовских князей, Ермолович не особенно доверяет сложившимся традициям. Например, основным создателем ядра Великого княжества Литовского он считает не Миндовга, который “аказваўся дрэнным, няўмелым палітыкам. Яго дзеянні выклікалі міжнародны канфлікт, цэлая кааліцыя дзяржаў выступіла супраць Новагародскай дзяржавы... Міндоўг... фактычна не быў стваральнікам Вялікага княства Літоўскага... Не ён зрабіў сваёй сталіцай Новагародак. А Новагародак выбраў яго сваім князем. Не літоўскую ўладу ажыццяўляў тут Міндоўг, а быў выканаўцам дзяржаўных імкненняў Новагародка. Таму, не апраўдаўшы надзей новагародскіх феодалаў, ён і страціў новагародскі пасадак” [6, с. 57 – 68], а яго сына Войшелка: “аб’яднанне Войшалкам Новагародскай, Пінскай, Літоўскай, Нальшчанскай, Дзевалтоўскай і Полацка-віцебскай земляў у адзіную дзяржаву было фактычна трывалым пачаткам утварэння ВКЛ. Але калі далучэнне балцкіх земляў Літвы, Нальшчанаў і Дзяволтвы да Новагародка было гвалтоўным, то далучэнне Пінска, Полацка і Віцебска праходзіла добраахвотна. Гэтаксама пазней далучаліся да ВКЛ і іншыя беларускія вобласці. Такое аб’яднанне было вынікам гістарычнага працэсу эканамічнага, палітычнага і культурнага збліжэння беларускіх земляў у басейнах рэк Дзвіны, Дняпра, Нёмана, на аснове чаго ішло фарміраванне тэрыторыі Беларусі” [4, с. 92].

Оценивая правление Гедимины, Ермолович говорит о двух основных моментах, проявившихся в то время, “таму аб’ектыўная яго ацэнка мае прынцыповае значэнне для правільнага разумення далейшай беларускай гісторыі. У гэты час выразна пазначыліся як станоўчыя, так і адмоўныя асаблівасці нашага гістарычнага жыцця. Да першых трэба аднесці як найбольш важную – аб’яднанне асноўнай масы беларускіх земляў. Гэта надало ім моц і прыцягальную сілу для далейшага пашырэння, асабліва ва ўсходнім і паўднёвым кірунках, што і пачалося неўзабаве пасля Гедзімінавай смерці. Аб’яднанне стала трывалым грунтам і для канчатковага фарміравання беларускай народнасці, яе культуры і мовы [4, с. 163].

Одним из наиболее выдающихся великих князей литовских, согласно Ермоловичу, является Ольгерд: “Галоўны вынік князавання Альгерда – у выключным пашырэнні тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, якое стала адной з найбольш вялікіх дзяржаў Еўропы. У ёй

беларускія землі, канчатковае аб'яднанне якіх таксама закончылася ў гэты час, займалі цэнтральнае месца, што значна ў большай ступені забяспечвала ім дамінуючае становішча. Гэта і давала магчымасць вызначаць галоўныя кірункі як унутранай, так і знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага” [5, с. 70].

Кревскую унію между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским Ермолович оценивает в трагических тонах: “Хаця знешне Крэўская унія насіла характар персанальнай дынастыі, якой яе і лічаць некаторыя даследчыкі, аднак маюць большую рацыю тыя, хто называе інкарпарацыяй ВКЛ у Польскае каралеўства” [4, с. 235].

В трагическом стиле описывает Ермолович и последовавшую вслед за Грюнвальдской битвой Городельскую унию: “Хоць, паводле Гарадзельскай уніі, у ВКЛ захоўвалася асобнасць улады вялікага князя, аднак жа яно, тым не менш, аб'яўлялася аб'яднаным з Польшчай. Як бачым, новая унія адбіла ў сабе далейшае зрашчэнне польскай дзяржаўнай улады з каталіцызмам і іх супольнае імкненне пранікнуць у глыб дзяржаўнага жыцця ВКЛ” [4, с. 254].

Тем не менее, оценивая период княжения Витовта, Ермолович говорит, что это было время “найбольшага дзяржаўнага ўздыму ВКЛ, яго вайсковай магутнасці, найбольшай тэрыторыі і палітычнай стабільнасці. Як у ранейшыя часы, так і пры Вітаўце ВКЛ найперш вызначалася як беларуская дзяржава. На гэта ўказвае тое, што ўсе вышэйшыя пасады займалі выхадцы з Беларусі, з іх складалася акружэнне Вітаўта, як пра гэта сведчыць апісанне яго світы на Салінскай сустрэчы. Як сам Вітаўт, так і ўвесь яго двор карысталіся толькі русінскай (г. зн. беларускай) мовай. На ёй жа вялося і дзяржаўнае справаводства” [4, с. 257].

Противостояние католических и православных феодалов Великого Княжества Литовского Ермолович снова оценивает в трагических тонах. По его мнению, именно это противостояние ослабляло государство, а после смерти Витовта привело к гражданской войне двух претендентов на великокняжеский престол: Свидригайло и Жигимонта Кейстутовича. Они являлись представителями соответственно православной и католической партий Княжества. Но именно односторонность проводимой ими политики привела их к поражению. “Вось чаму ў далейшым мы бачым асцярожнае лавіраванне паміж імі, уступкі то аднаму, то другому. Гэта і характарызуе дзейнасць наступнага вялікага князя Казіміра” [4, с. 262–263]. Тем не менее, время правления Казимира Ермолович оценивает в свете комедии: “Час Казіміра, як і ўсё XV ст., быў часам далейшага развіцця беларускай народнасці, яе культуры і мовы. Усяму гэтаму садзейнічала дамінуючае значэнне беларускіх земляў у ВКЛ, што і вызначыла гэту дзяржаву найперш як беларускую. Ажыўленая палітычная і звязаная з ёй рэлігійная барацьба таксама спрыяла больш інтэнсіўнаму развіццю беларускага грамадства, пра што сведчаць шматлікія помнікі беларускага пісьменства гэтага часу. Яны паказваюць, што беларуская мова абслугоўвала ўсе сферы дзяржаўнага і грамадскага жыцця, на ёй пісаліся велікакняжацкія граматы, прывілеі, летапісы, рознага роду лісты, царкоўная літаратура, у тым ліку магаметанская і іўдзейская” [4, с. 270–271].

Правление великого князя Александра Ермолович характеризует как “нешчаслівы час”, единственным положительным моментом которого он называет победу под Клецком над татарами [4, с. 279]. Тем не менее, “нягледзячы на крывабы і спусташальныя падзеі, якія перш за ўсё характарызуюць першую трэць XVI ст., у гэты выключна цяжкі час не толькі не спынілася культурна-этнічнае развіццё беларускага народа, але і ўзнялося на новую ступень. І гэта найперш звязана з тытанічнай дзейнасцю Францыска Скарыны. Ужо толькі тое, што ён быў заснавальнікам беларускага кнігадрукавання, паставіла Беларусь на ўзровень найбольш культурна-развітых краін Еўропы. Яго пераклад Бібліі выключна ўзбагаціў беларускую літаратурную мову, а яго прадмовы і пасляслоўі да біблейскіх кніг папоўнілі ідэйны змест, паглыбілі філасофскую думку і ўзнялі мастацкі ўзровень беларускай літаратуры. Гэтак жа афармленне кніг, шматлікія гравюры да іх адыгралі вялікую ролю ў развіцці беларускага мастацтва. Вядома ж, будучы доктарам лекарскіх навук, Ф. Скарына зрабіў вялікі ўклад у беларускую медыцыну. Выказана таксама меркаванне, што ён удзельнічаў у падрыхроўцы Статута 1529 г. Улічваючы тое, што падобнага юрыдычнага дакумента ў той час у Еўропе яшчэ не было, можна гаварыць аб авангарднай ролі Беларусі ў развіцці еўрапейскай дзяржаўна-прававой культуры. Менавіта дзейнасць Ф. Скарыны і Статут 1529 г. – найбольш

яскравыя сведчанні нязломнасці беларускага народа, які не толькі выжыў, але і набраў новыя духоўныя і інтэлектуальныя сілы ў самых неспрыяльных для гэтага гістарычных умовах” [4, с. 294–297]. “Аднак гэтыя неспрыяльныя знешнія ўмовы не маглі спыніць унутранага дзяржаўнага і грамадскага развіцця ВКЛ. Менавіта ў XVI ст. і закончыўся працэс іх канчатковага фарміравання, што і надало ВКЛ характэрнае дзяржаўнае аблічча” [4, с. 303]. То ёсць, в целом, данный перыяд Ермолович опяць-такі характэрызует в духе комедии. “Асаблівасці ўнутранага жыцця ВКЛ: складанасць яго дзяржаўных структур, разнастайнасць у класавасаслоўным складзе яго грамадства, значная колькасць рэлігійных канфесій, высокая правая культура. Усё гэта сведчыць, што наша дзяржава знаходзілася на еўрапейскім шляху свайго развіцця” [4, с. 311].

В свете трагедии описывает Ермолович события, связанные с Ливонской войной и Люблинской унией. Последнюю он характеризует как, фактически, подчинение Великого княжества Литовского Польшей, произошедшее почти что силой, благодаря тяжёлому положению Княжества во время войны. Польская сторона показывается им как вероломная, фактически втянувшая Великое княжество Литовское в войну с Русским государством и воспользовавшаяся этим для подчинения его себе. Однако, в целом, Кревский период (от Кревской до Люблинской унии) истории Беларуси Ермолович оценивает с точки зрения комедии, так как несмотря на во многом неблагоприятные обстоятельства, белорусский народ в это время сформировался и достиг европейского уровня развития. “І ўсё ж, нягледзячы на такія выключна неспрыяльныя абставіны, гэты перыяд, асабліва ў XVI ст., увайшоў у нашу гісторыю як “залаты век” нашай беларускай культуры. Яскравае сведчанне гэтаму – пануючае значэнне беларускай мовы ў дзяржаўным і грамадскім жыцці, беларускае пісьменства і кнігадрукаванне, прадстаўленае такімі выдатнымі імёнамі, як Ф. Скарына, С. Будны, В. Цяпінскі, такімі прававымі дакументамі, як Статуты 1529 і 1566 г., падобных якім у той час не было і ў Еўропе. Усё гэта паказвае, што ВКЛ мела выразна беларускае аблічча” [4, с. 324].

В истории Беларуси эпохи Речи Посполитой Ермолович видит намного больше элементов трагедии. Он это связывает с двумя факторами: “Па-першае, гэта аб’яднанне, якое да таго ж насіла прымусовы характар для насельніцтва ВКЛ, не толькі не пазбавіла, але яшчэ больш абвастрыла ў аб’яднанай дзяржаве ўнутраныя супярэчнасці паміж рознымі грамадскімі пластамі. Па-другое, тэрыторыя Рэчы Паспалітай па-ранейшаму заставалася арэнай даволі жорсткіх і працяглых войнаў, накіраваных як супроць яе самой, так і супроць суседніх дзяржаў. Таму, непазбаўленая ад ранейшых унутраных і знешніх цяжкасцей, Рэч Паспалітая і аказалася праз два стагоддзі расцягнутай па кавалках паміж сваімі сквапнымі на чужыя тэрыторыі суседнімі дзяржавамі” [4, с. 331].

С позиций комедии Ермолович оценивает деятельность короля польского и великого князя литовского Стефана Батория, которого характеризует как “чалавека з высокім палітычным розумам і цвёрдым характарам. Бяспрэчным з’яўляецца яго вялікі чалавечы, дзяржаўны талент і адміністратыўныя здольнасці” [4, с. 338]. И дело здесь не только в том, что благодаря военному таланту Батория были отвоёваны все белорусские земли [4, с. 349], но и в том, что, по мнению Ермоловича, Баторий возродил традиционную для Полоцка политику по отношению к северорусским землям Новгорода и Пскова, начатую ещё Всеславом Чародеем [4, с. 344–345].

В целом, в мотивах комедии описывает Ермолович Брестскую церковную унию. По его мнению, уния не оправдала надежд тех польских кругов, которые пытались с её помощью проводить полонизаторскую политику. “Для іх унія была толькі пераходным звяном ад праваслаўя да каталіцтва. Аднак яна стала самастойнай царквой і вядучай па колькасці яе прыхільнікаў, а разам з тым было болей і парафій у параўнанні з каталіцкай і праваслаўнай царквымі... Унія адыграла станоўчую ролю, бо, стаўшы фактычна нацыянальнай царквой, яна тым самым садзейнічала захаванню і далейшаму развіццю этнічнай адметнасці нашага народа.” [4, с. 358 – 360].

Дальнейшую историю Беларуси Ермолович описывает, в основном, с позиций трагедии. Связано это, в том числе, с тем, что история Беларуси XVII – XVIII вв. – это, прежде всего, история войн. В таком ключе описывает Ермолович и казацкие набеги на территорию

Беларуси [4, с. 365], и многочисленные войны между Россией и Речью Посполитой [4, с. 372, 395, 408]. Описывая войну 1654–1667 гг., Ермолович обращает внимание на деятельность могилёвского шляхтича Константина Поклонского, в котором видит первого выдающегося деятеля новой Беларуси [4, с. 384].

Однако общий стиль написания истории Беларуси по типу комедии Ермолович не оставляет. Так, исследуя XVIII в., он отмечает, что «нягледзячы на неспрыяльныя палітычныя ўмовы, у дзяржаве тым не менш ішло прыкметнае эканамічнае развіццё» [4, с. 421].

Исследуя разделы Речи Посполитой, Ермолович обращается к типу трагедии. Присоединение территории Беларуси к Российской империи он характеризует как «канчатковую ліквідацыю беларускай дзяржаўнасці, якая мела звыш тысячагадовую гісторыю. Спачатку ў форме племянных саюзаў крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў, пасля ў форме паасобных княстваў (Полацкага, Турава-Пінскага, Смаленскага, Новагародскага і Старажытнай Літвы), што ў XIII – XIV стст. аб’ядналіся ў ВКЛ, якое з’явілася вышэйшым этапам у развіцці беларускай дзяржаўнасці ў мінулым» [4, с. 432]. Но, тем не менее, заканчивая свою монографию, Ермолович вновь обращается к построению сюжета по типу комедии: «Аднак і гэты страшэнны нацыянальны і сацыяльны ўціск не мог змярцвіць беларусаў як народ. Што ж, калі яны змаглі скласціся і вырасці на зямлі, дзе амаль без перапынку лютавалі знішчальныя войны, то ўжо гэта характарызуе іх як выключна жыццяздольную нацыю. І таму яна змагла пераадолець і найцяжэйшыя выпрабаванні на сваім шляху ў XIX і XX стагоддзях, захаваўшы сваю адметнасць як народа і адрадыўшы сваю дзяржаўнасць. Паслядоўнае адстойванне гэтага і з’яўляецца цвёрдым грунтам для далейшага паўнакроўнага гістарычнага жыцця беларускага народа» [4, с. 433]. Таким образом, и в рассмотрении отдельных, конкретных событий истории Беларуси Ермолович использует, в основном, построение сюжета по типу комедии. Территория Беларуси, белорусский народ в целом, всё-таки преодолевают многочисленные неблагоприятные моменты в своей истории (их Ермолович описывает, строя сюжет по типу трагедии) и остаются, по-сути, самими собой, поднимаясь на новый уровень, виток своей истории.

Рассмотрим теперь, какой тип доказательства по классификации Уайта использует в своих построениях Ермолович. Можно отметить, что, в основном, Ермолович придерживается контекстуалистского типа формального доказательства, но в определённых ситуациях переходит на позиции механицистской аргументации с её установкой на применение неких общих исторических законов. В последнем можно видеть влияние традиционного для историков советской школы марксистского видения истории. Но, с другой стороны, сам Уайт при описании различных типов формального доказательства, применяемых историками в написании своих работ, отмечает, что такого рода соединение контекстуализма с механицизмом является обычным явлением, что связано с невозможностью использования контекстуалистского подхода для написания крупных исторических трудов [1, с. 37–38].

Рассматривая историю Беларуси в целом, те или иные исторические события, в частности, Ермолович старается строить своё формальное доказательство на рассмотрении их в том контексте, в котором они произошли, анализировать в качестве их предпосылок те события, которые им предшествовали, проследить то влияние, которое они оказали на дальнейший ход истории. При этом он иногда даже выходит за хронологические рамки своего исследования и «пунктиром» обозначает те ситуации, которые испытали на себе воздействие того или иного события. Это видно на примере рассмотрения Ермоловичем политических решений тех или иных князей, различных войн с тем или иным противником, заключённых уний между Великим княжеством Литовским и королевством Польским (особенно Кревской и Люблинской), а также Брестской церковной унии. Да и само деление истории Беларуси на периоды, данное Ермоловичем, подчинено этой его тенденции. Первоначальный Полоцкий период связан с тем, что наиболее независимым, проводящим самостоятельную политику государством на территории Беларуси являлось Полоцкое княжество. Второй период, по Ермоловичу, – Новгородский – связан со своеобразным переходом политического центра Беларуси в Новогрудок как центр нового белорусского государственного образования: Великокняжества Литовского. Третий период – Виленский – связан с перенесением столицы Великокняжества Литовского в Вильно, что Ермолович считает следствием возобновления в

новом государстве основ прежней полоцкой политики [4, с. 163]. Четвёртый период истории Беларуси Ермолович называет Кревским. Он связан с заключением Кревской унии и его последствиями. И последний период, который рассматривает Ермолович, – период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой – является следствием заключённой Люблинской унии. Такого рода прослеживания связей событий на последующие события встречаются у Ермоловича постоянно во всех его исторических трудах, рассматривающихся здесь. Даже в своей полемической книге «Па слядах аднаго міфа» он постоянно обращается к такого рода связям.

Что касается механицистских «вкраплений» в формальное доказательство у Ермоловича, то они связаны, прежде всего, с его отношением к так называемым общим историческим законам. Как историк советской школы, как историк-марксист, Ермолович не мог и не хотел игнорировать эти законы. Занимаясь исследованием политической истории, он многие политические явления и события объяснял, исходя из первичности экономических интересов и отношений. Также Ермолович постоянно пишет о необходимости, неизбежности и прогрессивности такого явления средневекового развития, как феодальная раздробленность. «У цэлым усе даследчыкі як на прыкмету аслаблення Полацкай зямлі ўказваюць на яе раздрабленне пасля смерці Усяслава, пры якім яна захоўвала адзінства. Тут яўнае неразуменне гістарычнага працэсу. З аднаго боку, сцвярджаецца прагрэсіўнасць развіцця феадалізму ў Старажытнай Русі, а з другога боку – адмоўна характарызуецца палітычная дэцэнтралізацыя, якая з’яўляецца *заканамірным вынікам* папярэдне ўказанага працэсу. Менавіта поступ феадалізму, што абуджаў мясцовыя эканамічныя інтарэсы, і быў той спружынай, якая прыводзіла ў рух дэцэнтралісцкія імкненні, узмоцненыя ранейшай гісторыяй і фактарамі геаграфічнага становішча... Апынуўшыся ў авангардзе *заканамірнага эканамічнага развіцця*, сама Полацкая зямля, зноў-такі першая з усіх усходнееўрапейскіх земляў падпала пад працэс феадальнага драбнення на паасобныя ўдзелы” [3, с. 149 – 150] (выделено мной – В. Ц.). “Драбненне [феодальная раздробленность – В. Ц.] было аб’ектыўным гістарычным працэсам” [3, с. 202]. “Аднак раздробленасць, якая была вынікам феадальнага спосабу вытворчасці, з’яўлялася на той час *заканамірным і прагрэсіўным* этапам гістарычнага развіцця. Таму яе нішто не магло спыніць. Вось чаму нікія рашучыя захады кіеўскіх князёў не маглi стрымаць далейшага палітычна-эканамічнага развіцця Полацкай зямлі... Феадальная раздробленасць, як слушна адзначаюць даследчыкі, перш за ўсё праявілася ў Полацкай зямлі, што сведчыла пра яе больш высокае сацыяльна-эканамічнае развіццё ў параўнанні з некаторымі іншымі землямі. Гэта і было прычынай таго, што яна, першай вылучыўшыся з Кіеўскай дзяржавы, у сваю чаргу сама стала дзяліцца на ўдзелы. У кожным з іх замацаваўся той ці іншы род полацкіх князёў. Аднак па-ранейшаму для ўсіх іх быў прывабны полацкі пасад, які меў значэнне вялікакняскага і за які пачыналася паміж імі барацьба... Але феадальная раздробленасць і звязаная з ёю палітычная дэцэнтралізацыя і міжусобная барацьба не маглi цягнуцца без канца. Справа ў тым, што ў нетрах самой феадальнай раздробленасці выпявалі ўмовы для яе адмірання. Ствараючы лепшыя магчымасці для асваення новых земляў і прыродных рэсурсаў, росту гарадоў, развіцця земляробства і рамёстваў, феадальная раздробленасць гэтым самым садзейнічала таварнай вытворчасці, г. зн. вытворчасці непасрэдна для абмену, для гандлю. А гэта ў сваю чаргу вяло да эканамічнага і палітычнага збліжэння паасобных земляў... З прычыны далейшага развіцця прадукцыйных сіл феадальнага грамадства і пашырэння гандлю пачаўся працэс феадальнай канцэнтрацыі, на аснове якога ішло збліжэнне асобных тэрыторый Полацкай зямлі. І хаця ўдзелы працягвалі існаваць яшчэ доўгі час, аднак міжусобная барацьба паміж імі не адзначана ў крыніцах, як, напрыклад, у сярэдзіне XII ст. Эканамічныя інтарэсы бралі верх і прымушалі падначальвацца ім” [4, с. 13–16].

Относительно возникновения Великого княжества Литовского Ермолович приводит следующие доводы: ослабление древнерусских княжеств в результате татаро-монгольского нашествия, опасность агрессии крестоносцев и *общие экономические интересы* белорусских земель. Именно последний фактор у Ермоловича является решающим. О нём говорится ещё в описании политической деятельности минского князя Глеба в XII в.: “дзеемні Глеба Менскага ў адносінах дрыгавіцка-прыпяцкіх зямляў не былі валюнтарысцкія. У грандыёзных

планах Глеба Менскага па далучэнні да свайго княства нёманскіх, дняпроўскіх і прыпяцкіх земляў добра выяўляюцца контуры будучай Беларусі і цэнтральнае значэнне ў ёй Менска. Ажыццяўленне гэтай ідэі праз восем стагоддзяў выдатна пацвердзіла выключную палітычную праніклінасць Глеба Менскага” [3, с. 172]. Говоря о возвышении Новгородского княжества, Ермолович вновь обращается к общим тенденциям развития феодального общества: “Новагородскай зямлі ўдалося выйсці з-пад залежнасці ад галіцка-валынскіх князёў, у першую чаргу, таму, што іх зямля была аслаблена мангола-татарскім нашэсцем” [6, с. 60]; “Такое аб’яднанне [возникновение Великого княжества Литовского – В. Ц.] было вынікам гістарычнага працэсу эканамічнага, палітычнага і культурнага збліжэння беларускіх земляў у басейнах рэк Дзвіны, Дняпра, Нёмана. На аснове чаго ішло фарміраванне тэрыторыі Беларусі” [6, с. 82]; “Прыліў новага насельніцтва, зразумела, не мог не выклікаць яшчэ большага развіцця прадукцыйных сіл Новагородскай зямлі, што ў першую чаргу выкарысталі для свайго ўзбагачэння яе феодалы. Маючы ў сваіх руках вялікія багацці, яны былі зацікаўлены ва ўстанаўленні больш моцнай дзяржаўнай улады, з дапамогай якой можна было б трымаць у пакорнасці сялян і рамеснікаў, захопліваць новыя землі” [4, с. 23]; “Паколькі ўтварэнне ВКЛ было найперш вынікам эканамічнага, палітычнага і культурна-этнічнага збліжэння і аб’яднання беларускіх земляў, то гэты гістарычны працэс быў у інтарэсах беларускіх феодаў. Таму становіцца зразумелым, чаму ў ВКЛ пануючае месца заняла беларуская культура і дзяржаўнай стала беларуская мова” [4, с. 94].

Также говоря о истории Великого княжества Литовского, Ермолович ещё раз обращается к историческому закону, согласно которому народность, объединённая в единое государство, получает толчок в своём развитии по сравнению с теми народностями, объединение которых в едином государстве не состоялось: “Паколькі Беларусь не ведала татарскага нашэсця і яе эканамічныя і культурныя цэнтры не былі разбураны, адзначаны працэс /эканамічнае, палітычнае і культурна-этнічнае збліжэнне земляў тэрыторыі Беларусі/ тут адбываўся хутчэй, чым у рускіх і ўкраінскіх землях, дзе ён быў перарваны татарскай навалай. Вось чаму пашырэнне тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ішло шляхам аб’яднання беларускіх земляў, якое адбывалася мірна. І таму мы не можам указаць дакладна, якая з іх і калі стала састаю Вялікага княства Літоўскага. Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходнеславянскім абшарам, дало ім значныя перавагі. Найперш гэта забяспечыла ім дамінуючае значэнне ў Вялікім княстве Літоўскім. Менавіта беларускія землі вызначалі яго ўнутраную і знешнюю палітыку” [5, с. 13–14].

Как видно, механицистский тип формального доказательства используется Ермоловичем не так уж часто. Кроме приведённых цитат, можно привести их ещё лишь несколько. Поэтому становится понятным, что из всего объёма ермоловичских текстов эти цитаты представляют собой пусть и немаловажную, но всё же небольшую часть. Всё остальное повествование и анализ у Ермоловича строится по типу контекстуалистского формального доказательства. Поэтому мы и определили тип формального доказательства, который использует Ермолович как контекстуализм, совместимый с механицизмом по классификации Уайта. При этом, на наш взгляд, доминирует у Ермоловича всё же контекстуализм.

При определении типа идеологического подтекста по классификации Уайта сложно предложить в качестве подтверждения какие-либо цитаты. Этот подтекст виден из общего характера и стиля исторического произведения. Рассматриваемые здесь книги Ермоловича такой стиль содержат, причём он неизменен в каждой из них. Этот идеологический подтекст можно определить как консерватизм. Уайт определяет историка-консерватора как исследователя, для которого идеал находится в прошлом. Историк-консерватор, в отличие от политика-консерватора, не стремится и не провозглашает возврат к прежнему. Он осознаёт необходимость изменений, но считает, что эти изменения не должны проходить быстро и кардинально изменять тот порядок вещей, который существует. В отношении Ермоловича можно утверждать, что для него идеал белорусской государственности как идеи и как её воплощения находится в прошлом: в Полоцкий, Новгородский и Виленский периоды истории Беларуси. Все изменения, происходившие в тот период, Ермолович описывает как положительные, способствовавшие развитию белорусской государственности. Дальнейшие изменения в

истории Беларуси Ермолович рассматривает как в той или иной степени ухудшение положения Беларуси, что, по его словам, после разделов Речи Посполитой привело к утрате всякой формы суверенитета территории Беларуси в составе Российской империи. И хотя Ермолович заканчивает своё повествование утверждением о том, что на современном этапе идея независимости Беларуси нашла своё полное выражение и реализацию, тем не менее, данная проблема у него абсолютно не выражена, так как современную историю Беларуси он не рассматривает. В целом же, Ермолович придерживается консервативного типа идеологического подтекста по классификации Уайта.

Таким образом, Ермолович использовал в своих исторических произведениях тип построения сюжета – комедия с элементами трагедии, тип формального доказательства – контекстуализм с элементами механицизма и тип идеологического подтекста – консерватизм.

Резюме. В статье даётся анализ концепции истории Беларуси Н. И. Ермоловича с точки зрения философо-исторической схемы американского мыслителя Х. Уайта.

Abstract. The analysis of N.I. Ermolovich's Belarusian history concept from the point of view of American thinker H.White's philosophical-historical scheme is given in the article.

Литература

1 Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002.

2 Цацарын, В. У. Хэйдэн Уайт і Польш Рыкёр аб структуры гістарычнага тлумачэння / В. У. Цацарын // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4 (55). Ч. 1.

3 Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск,

4 Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мн., 2003.

5 Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мн., 1994.

6 Ермаловіч, М. І. Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. – Мн., 1991.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10